

А.И. Иванов

**Грамматика современного
китайского языка**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
А11

А11 **А.И. Иванов**
Грамматика современного китайского языка / А.И. Иванов – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 304 с.

ISBN 978-5-458-55440-4

ISBN 978-5-458-55440-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

значение слова, нужна замена (чередование) целого слога другим целым слогом, а недостаточно изменить (по определенной формуле, как это имеет место в европейских языках) один из составных элементов слога (звук) другим звуком (что имеет место, напр., в пис/а/ть—над/пись или маз/а/ть, мазь и т. д.).

3) звуки располагаются в составе слога в одном, строго определенном порядке: именно, при полном составе слога (силлабемы¹⁾, сначала согласный, потом неслоговой гласный, затем слогообразующий гласный и, наконец, неслоговой конечный элемент дифтонга (причем каждый из этих элементов может быть только один), и совершенно невозможны, следовательно, столь разнообразны типы слогового состава, как в русском: скрыть (CCCVC)²⁾, вспрыск [нуть] (CCCCVCC), искр (VCCC), для (CCV) и т. д.;

4) А так как, кроме того, и не все теоретически возможные (с точки зрения только-что указанного правила слогового состава — максимум из 4-х элементов) комбинации отдельных звуков бывают фактически возможны ввиду наличия правил о взаимной несочетаемости определенных элементов (напр., невозможны [в Пек.] такие слоги, как цзюин³⁾, фао (faʊ), вао (ʋaʊ) и т. д.), то число фактически встречающихся в каждом данном говоре силлабем оказывается гораздо менее значительным и совершенно

¹⁾ Силлабемой (от греческого *syllabé* „слог“) мы называем представление определённого состава слога из согласных и гласных звуков; в понятие силлабемы, таким образом, не входят ни признак „тона“, ни признак ударения (силового), которые, дополняя собою силлабему, составляют вместе с нею уже полную характеристику кит. слога; подробнее об этих трех элементах слоговой характеристики будет идти речь в отделе „Фонетики“ (в его первой главе).

²⁾ Знаком С (от латинского слова *Consonans* „согласный“) мы выражаем в этих формулах понятие согласного вообще и равным образом знаком V (от латинского *Vocalis* „гласный“) — общее понятие любого гласного звука. Пунктирная черта обозначает границу между слогами.

³⁾ Хотя в говоре Цзинь-чжоу (Мукденск. пров., сейчас называется пров. Ляо-нин) этот слог есть; в Тяньцзиньском ему соответствует цзуйн; вообще каждый диалект (и даже говор) может иметь здесь свои нормы.

несоизмеримым, таким образом, с числом возможных слоговых комплексов в русском, напр., языке, а значит и легко поддается учету (т.е. может быть сосчитано, что неоднократно и делалось в грамматиках кит. языка). А так как право на наименование „элементарным фонетическим представлением“ принадлежит именно тем категориям фонетических величин, которые относительно легко могут быть учтены (подсчитаны) и, значит, сравнительно часто повторяются в составе словаря, то получается известная возможность смотреть на слоговые представления, т.е. силлабемы, как на элементарные единицы, мыслимые в качестве тех элементов, из которых формируются слова, и приравнивать их, в этом отношении, к нашим, европейским звукопредставлениям, из комплексов которых формируются слова европейских языков. Правда, уже самый арифметический подсчет дает нам указание на известную приблизительность такого соизмерения — ибо число фигурирующих (в Пекинск., напр.) силлабем все-таки составляет несколько сот (точнее для Пек. 420) отдельных, качественно отличных силлабем, а число звукопредставлений гласных и согласных в европейских (или в азиатских, но того же фонетического строя) языках, в общем, колеблется от 16 до 81¹⁾). Тем не менее по сравнению с чрезвычайно большими цифрами потенциально возможных слоговых комплексов для таких, напр., языков, как русский, польский (да и другие из европейских), — ясно, что цифра силлабем китайских (как с другой стороны и японских) позволяет говорить — для этих последних языков — о значительной близости представления слога к понятию элементарной

¹⁾ Однако, если мы возьмем крайнюю из цифр в том и другом случае — минимальный по числу различающихся силлабем кит. говор с 320 приблизительно, силлабемами, с одной стороны, и абхазский-бзыбский диалект с его 80 фонемами (согласными и гласными), то разница будет, пожалуй, не настолько уже значительна, чтобы можно было утверждать ее принципиальное значение; и в действительности семантическая функция абхазской согласной фонемы, самодовлеюще ассоциируемой, обычно, с 2 лексическими значениями, в общем весьма напоминает символические функции отдельных кит. силлабем.

фонетической величины, т.-е. к категории тех единиц, с которыми фактически имеет дело языковое мышление в формировании слов—в построении слов—том процессе, который имеет место при заучивании языка ребенком. Роль такого элемента в китайск. языке (поскольку речь идет уже о формировании слов, т.-е. о заучивании слов, как таковых) принадлежит, можно полагать, именно слогопредставлениям, а в наших языках, наоборот, звукопредставлениям. Аналогичное же, то-есть далеко не эквивалентного характера соответствие, мы встретим и при сравнении китайского слова со словом русского, напр., или немецкого, или другого какого из европейских языков. Здесь различие будет состоять в семантическом весе, т.-е. в среднем количестве ассоциируемых внеязыковых (=смысловых) идей—у той и другой единицы. В виде доминирующей нормы единица следующего порядка за „морфемой-слогом“, т.-е. слово современного кит. яз. будет состоять по крайней мере, из двух морфем-слов; иначе говоря, двухморфемно-двусложный состав явится статистически доминирующей нормой для китайских слов простого (нормального) состава, а более сложные в морфологическом отношении слова будут насчитывать уже более 2-х слогов. При этом наиболее частым и наиболее характерным видом такого двухморфемного слова является не аффиксация, т.-е. не соединение 1 лексической морфемы с суффиксом или префиксом, а наоборот—слово типа *Composita*¹⁾, т.-е. сочетание из 2-х лексических морфем: напр. 說話 — шо-хуа, —говорить; 吃飯 — чи-фань — есть, 睡覺 — шуй-цзяо — спать, 書信 — шу-сйн — письмо, 知道 — чжи-дао — знать. При этом в значительном ряде случаев мы, правда, найдем, что такое сочетание двух лексических морфем (без помощи аффикса, т.-е. без третьей, формальной морфемы) или инкорпора-

¹⁾ *Compositum* (множ. число—*Composita*) латинский термин, которым в лингвистике обозначаются сложные слова, т.-е. содержащие в себе две (или более) корневых морфемы; таким образом, в русском языке к *Composita* относятся, напр., слова паромход, паровоз, правоучение, Совнарком, Губотдел, Политбюро и т. д.

ция будет соответствовать по значению словам (или лексическим основам) европейских (напр. русского) языков. Примеры: 吃飯 будет переводным эквивалентом русскому „есть (кушать)“, 知道 — русскому „знать“, 說話 — „говорить“, 睡覺 — „спать“, 書信 — „письмо“; даже такие „переходные (в данном отношении) случаи“, как 涼水 — лян-шуй — холодная вода, 喝茶 — хэ-ча — пить чай, могут в известном отношении считаться фактическими эквивалентами одного, а не двух слов русск. языка: 涼水 — на деле часто соответствует нашему „вода“ (— „Дайте мне выпить воды“), а не „холодная вода“; эквивалент для 喝茶 — „чай пить“ — ведь это уже почти новообразованное *Compositum*¹⁾ и в русском — ср. „поча́йпили“, т.е. в данном отношении — в этом „чай пить“ — русский язык как раз и приближается к типичному для китайского состоянию. Но с другой стороны на этот же тип, т.е. на тип инкорпораций (или сложных слов из двух или более корневых морфем — вроде русск. паром и т. п.), падает и ряд эквивалентов более сложного состава в европейских языках — именно сочетаний из 2-х слов. Примеры: 睡夜 шуй-ё⁴ „спать ночь“ (здесь для первой части нового образования достаточно уже одной морфемы — 睡 «шуй-» вместо двух — 睡覺 «шуй-цзяо», — потому что, в общем, благодаря наличию прямого дополнения 夜 — ё⁴ „ночь“, здесь само собою получается уже двусложный комплекс: «шуй-ё⁴», а двусложный размер слова и является (на правах принципиального минимума) организующей нормой китайской морфологии. Именно для достижения этого двусложного состава и привлечена была в слове 睡覺 «шуй-цзяо» вторая морфема 覺 «цзяо» — в виде „пустого“, т.е. формально лишь обусловленного, а логически излишнего объекта²⁾;

1) Т.е. *Neocompositum* — так называются сложные слова [*Composita*], находящиеся еще в процессе формирования, т.е. только-что начинающие быть единым сложным словом — из стяжения двух слов.

2) То же можно сказать относительно аналогичных „пустых“ объектов в — 道 дао (букв. „путь“) в 知道 чжн-дао „знать (путь)“, 飯 фань (букв. „рис. каша“) в 吃飯 „есть (кашу)“, и тем более относительно

說他-«шо-та» „сказать ему, говорить ему“; ¹⁾ здесь опять-таки, по только что указанным причинам не нужен „пустой“ объект 話 «хуа» (букв. „слова“), имеющийся—по формально-количественному требованию—в 說話 «шо-хуа» „сказать“ (букв. „сказать слова“) и т. д. и т. д.

Все сказанное означает, следовательно, что инкорпорация из 2-х лексических морфем, т.е. элементарный и наиболее типичный вид китайского простого слова будет семантически соответствовать, с одной стороны, простым единым словам русского языка („есть“, „спать“, „сказать“, „письмо“ и т. д.), а с другой стороны—и словосочетаниям (комплексам из двух слов) русского языка. Иначе говоря, классификационные пороги в области морфологических величин (каковыми являются слово, с одной стороны, и словосочетание с другой) опять-таки принципиально не совпадают—между русским и китайским языками—точно так же, как не совпадают в этих языках и фонетические критерии элементарной фонетической величины (о чем была речь выше). Это обстоятельство, а значит и известную условность применения термина „слово“ к китайским морфемосочетаниям (инкорпорациям прежде всего), мы постоянно должны будем иметь в виду при дальнейшем нашем изложении.

Тем не менее, формальные основания для того, чтобы называть китайскую инкорпорацию (двусложную или многосложную) словом—хотя бы она и была семантическим соответствием словосочетанию русского языка,—в значительной мере имеются. Во-первых, можно указать на ударение (акцентуационный признак слов): ведь именно

肚子 ду-цза (букв. „желудок“) в дунганском диалектическом эквиваленте последнего слова (吃飯)—дунганск. 吃 肚子 чи-ду-цза „есть“ (буквально: „есть в живот“). Ср. 餵 肚 了一 隻 雞 ду-цза—„кормить желудок“ в шань-дунских говорах.

¹⁾ Из фразы 不用 說 他 буюн шо та «не надо говорить ему», именно в таком сочетании (т.е. в 不用 說 他 или т. п.) 說 他 и может иметь указанное значение („говорить ему“, а не „говорить о нем“).

лишь при двусложности (или многосложности) комплекса может осуществляться его экспираторно-акцентуационная характеристика (силовое ударение на том или другом слоге). Значит, только двусложное (и многосложное) слово является морфологически оформленным, ибо, как мы увидим ниже, морфологическая характеристика слов (напр. противоположение атрибутивно-именной инкорпорации типа 書信 «шу-синь», «письмо» и глагольно-объективной инкорпорации типа 吃飯 «чи-фань»), соответствующая, в общем, нашему делению слов на „части речи“, покоится в китайском яз. именно на экспираторно-акцентуационном различении, т.-е. на месте ударения (на 1-м или же 2-м слоге). Односложные же слова оказываются, таким образом, неоформленными, и являются, следовательно, не только фонетической ¹⁾ и лексической ²⁾, но и морфологической ³⁾ аномалией.

Во-вторых, за то, что инкорпорация является в формальном отношении единым словом, говорят и некоторые морфологические признаки из области аффиксации: даже

1) Фонетически аномальными мы их можем признать уже потому, что в них остается невыраженным один из трех принципиально различных моментов фонетической характеристики слога (из силлабического, мелодического и экспираторно-акцентуационного моментов) — момент экспираторно-акцентуационный (т.-е. признак силовой ударяемости).

2) В лексическом отношении односложные слова (в современном живом языке) могут быть признаны аномальными, так как составляют статистическое меньшинство по сравнению с числом двусложных простых слов. В немногочисленности их легко убедиться, если попробовать составить перечень из подлинных эквивалентов (кит. живого языка) для известного числа русских простых слов: ср. вышеприведенные двусложные эквиваленты для таких элементарных (в семантическом отношении) русских слов, как „есть“, „сказать“, „спать“, „знать“, „письмо“ и т. д.: 吃飯, 說話, 睡覺, 知道, 書信. Известное число односложных слов, конечно, найдется (напр. 馬 ³—«ма» лошадь 雨 ³—«юй» дождь), но и то относительно многих из них придется сказать, что они значительно чаще фигурируют не в изолированной позиции (т.-е. на правах самостоятельного слова), а как потенциальный член той или другой инкорпорации—напр. 雨—«юй³» обычно в 下雨 «ся-юй³» („дождь идет“, где 雨—«юй³» является объектом глагольно-объективной инкорпорации).

3) Как не оформленные в морфологическом отношении.

такие сложения, как 打你—«да-ни³» „бить тебя“ или 打他—«да-та¹» „бить его“ „или 罵你—«ма-ни³» „ругать тебя“, 罵他—«ма-та¹» „ругать его“, которые переводятся на русский язык, конечно, двумя словами ¹⁾, в суффиксальном спряжении могут фигурировать на правах целой (глагольной) основы. Суффикс ставится в таких случаях не перед объектом (你, 他), а после него: 罵你了—«ма-ни³-ла», 打他了—«да-та¹-ла, 罵他了—«ма-та¹-ла» („ругал тебя“, „бил его“, „ругал его“); или 打他吧—«да-та-ба» „бей“, бей-ка его“ и т. п. Наличие потенциальных дублетов иной конструкции (вроде—«дā-ла-ни³ 打了你 и «дā-ла-нī³-ла» 打了你了 „бил тебя“—вм. 打你了 да-ни-ла, и т. п. — см. ниже в отделе «Морфологии»), разумеется, усложняет дело ²⁾, но нисколько не препятствует делаемому нами из вышеприведенных форм выводу.

На них мы в праве, следовательно, смотреть, как на единые слова, или формы объективного спряжения. О том же свидетельствуют и такие формы (с суффиксом 的—ды), как 說書的 шо-шу-ды—рассказчик, 看書的 кань-шу-ды—читающий, 讀書的 ду-шу-ды—читатель (но не 說的書, 看的書, 賣的書).

Остается, наконец, вопрос о кит. эквиваленте нашему понятию предложения. Здесь мы тоже не найдем более или менее точного соответствия. Правда, в числе китайских инкорпораций мы найдем и сочетание двух лексических элементов с характером предикативной связи (в простейшем виде, напр., 你好—ни³-хао³, 他來—та¹лай и т. п.), а это и есть то, что мы имеем полное право назвать предложением с европейско-грамматической точки зрения. Но с

¹⁾ Впрочем потому только, что в русском нет объективного спряжения.

²⁾ Но мы вовсе и не хотим утверждать, что наше понятие слова в кит. языке обладает той же степенью единства, какая присуща русским, например, простым словам (если притом и в русском не брать „переходных случаев“, где это единство сомнительно, вроде падежей с предлогами). Вообще нужно сказать, что наш взгляд на кит. инкорпорацию, как на слово, представляет лишь необходимую предпосылку для разрешения проблемы китайской морфологии, но вовсе не означает, что проблема эта становится вместе с тем элементарно простой и гладкой.

другой стороны, где же формальная (и именно формально-количественная) разница между этими (предикативными) инкорпорациями и прочими видами инкорпораций, как-то: 1) атрибутивно-именной—типа 兄弟 сюн¹-ди „(ст. брата) мл. брат“, 白米 бай-мй² „(белый) рис“, —凉水 лян²-шуй „(холодная) вода“, 白天 бай²-тянь—„(белый) день“ и т. д. 2) глагольно-объективной—типа 飯吃—чи-фань⁴, 說話—шо-хуа⁴ и т. п., 3) копулятивной—типа 父母 фу-мў „отец-мать—родители“, 弟兄—ди-сун—„мл. брат (и) ст. брат—братья“?

Ведь это все равновеликие в морфологическом отношении величины. А значит, в числе кит. инкорпораций мы натолкнемся не только на эквиваленты наших (русских) слов, но и на эквиваленты наших словосочетаний и в том числе даже предложений (т.-е. словосочетаний со связью предикативного характера). Это одно. А во-вторых, наше понятие сложного предложения вряд ли вообще найдет какое-либо соответствие в кит. языке. В переводе на кит. язык ему обыкновенно будет соответствовать ряд простых предложений. Пример:

ся ¹ -цза- цзянь-	瞎子見錢	Когда слепец видит
цян ²		деньги, то у него даже
ян ³ -е ³ -кай ¹	眼也開	глаза раскрываются, а
хэ ² -шан цзянь-	和尚見錢	когда хэшан (буддийский
цян ²		монах) видит деньги, то
цзин ¹ -е ³ -май ⁴	經也賣	он даже св. писание про-
		даст.

Правда, в китайском (в частности в приведенном примере) мы встречаем оригинальный прием в виде общего принципа организации таких смежных простых предложений на начале логического, грамматического и количественного параллелизма (ср. полный параллелизм:

瞎子見錢 и 和尚見錢 с одной стороны
и 眼也開 и 經也賣 с другой).

Но самый характер этой организации материала (радикально отличный от нашего принципа подчинения и т. д.) говорит уже о полной принципиальной разнице между этим приемом и европейским „синтаксисом сложного предложения“. Да наконец и самый этот прием „параллелизма“¹⁾ относится (в китайском языке) не к синтаксису или морфологии, а к стилистике.

Из всего вышесказанного ясно, что если мы и будем употреблять в применении к кит. разговорному языку термины слово, словосочетание или предложение (наряду с более точными²⁾ терминами: морфема и инкорпорация), то с ними отнюдь не должны ассоциироваться привычные для европейских грамматик количественные нормы. Надо сознательно согласиться с тем, что деление речи на элементы (лексические, морфологические и фонетические) носит в кит. языке специфический характер и сплошь и рядом не находит равновеликих соответствий в единицах европейского языкового мышления.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что элементарные единицы кит. разговорного языка (о которых речь шла выше), в виде общего правила, не совпадают с делениями письменного языка. Дело в том, что в обоих этих кит. языках — письменном, грамматическая структура которого доныне покоится на классических образцах 1-го тысячелетия, и современном, представляющем новейшую стадию (XX века), — мы имеем отображение двух эпох, соответствующих, как по хронологическому своему расстоянию, так и в адекватном к этому типологическом отношении, того же порядка различия, которые сущест-

1) Этот принцип всестороннего параллелизма (ритмического и грамматического и т. д.) встречается, разумеется далеко не только в поговорках (примером которых является цитируемое четверостишие), но и в самых различных видах как устного, так и письменного литературного творчества, составляя, таким образом, резко бросающуюся в глаза специфическую особенность китайской литературы на всем протяжении ее истории.

2) Т.-е. такими, оспаривать применение которых никто не станет.

вуют, напр., между классической латынью и современным итальянским языком,—т. е. две принципиально различных формации, два разных морфологических строя. Поэтому нормальным является именно несовпадение между словом (или лексической единицей) кит. письменного языка и словом кит. разговорного языка. В виде доминирующей нормы это несовпадение формулируется так: нормальным видом слова в кит. письменном языке является односложная величина, обозначаемая 1 знаком иероглифической письменности, а нормальным видом элементарного слова разговорного языка является сочетание из двух лексических морфем (следовательно, почти всегда из двух слогов), которым соответствуют два знака иероглифической письменности (сюда войдут и двухэлементные инкорпорации и аффиксации — из 1 лексической морфемы и суффикса или префикса). Закон количественной нормы элементарного слова в виде двух морфем-слов (для разговорного языка) имеет самодовлеющую значимость, и убедиться в этом можно из рассмотрения ряда примеров, где потребность во второй морфеме обусловлена именно только формальными (формально-количественными) нормами при нулевой семантической потребности в этом осложнении слова. Сошлемся хотя бы на вышеприведенный пример „пустого“ объекта: слову-морфеме-слогу-знаку письм. языка „есть“ соответствует в разговорном лексически тождественная величина в виде двусложно-двухморфемной инкорпорации 吃飯 чифань. Но это—в восточно-мандаринском наречии; в дунганском же диалекте этому соответствует уже иная (но тоже глагольно-объективная) инкорпорация: 吃肚子 чи-дў-ца „есть“, буквально: „есть (吃) в живот (肚子)“. Как видно и пекинская морфема объекта—飯, и дунганский объект—肚子 взяты здесь не затем, чтобы пояснять понятие „есть“—смысловой потребности в этом нет никакой,—а просто здесь довлеет морфологическая норма, согласно которой к слогу-морфеме письменного языка и прибавляется нарост—в виде 1 слога, а в случае необходимости (когда данный, подбираемый в качестве дополнения к глаголу объект уже